

УДК 343.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ)

Андрей Викторович Зайцев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, operativchic@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения зарубежного опыта противодействия экстремистской идеологии с религиозной основой, с фокусом на практику США, Германии и Китая. Учитывая процесс глобализации и формирование многополярного мира, исследование методов и механизмов, применяемых разными странами для противодействия религиозно-экстремистским проявлениям, способствует унификации работы правоохранительных органов и развитию скоординированного межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем учитывается многообразие религиозных, культурных, политических и территориальных особенностей упомянутых государств. Такой опыт имеет потенциальное позитивное значение для России, которая отличается мультикультурностью и этническим разнообразием. Кроме того, полученные в ходе исследования знания могут быть полезны не только для обеспечения безопасности российских граждан, но и для адаптации мигрантов с соблюдением баланса между национальными традициями, правами человека и эффективной профилактикой экстремизма. Таким образом, в статье подчеркивается важность комплексного подхода, объединяющего правовые, социальные и культурные аспекты противодействия религиозному экстремизму в современном глобальном мире.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, государство и общество, безопасность, миграция

Для цитирования: Зайцев А. В. Зарубежный опыт противодействия религиозному экстремизму (на примере отдельных государств) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 37—43.

FOREIGN EXPERIENCE TO COUNTERACT RELIGIOUS EXTREMISM (ON THE EXAMPLE OF INDIVIDUAL STATES)

Andrey Victorovich Zaitsev

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, operativchic@mail.ru

Abstract. This article demonstrates the results of a study of foreign experience to counteract religiously based extremist ideology, focusing on the practices of the United States, Germany, and China. Taking into consideration globalization and a multipolar world formation, research into the methods and mechanisms used by different countries to counteract religious extremism contributes to the unification of law enforcement agencies work and the development of coordinated inter-state cooperation. At the same time, the diversity of religious, cultural, political, and territorial characteristics of these countries is taken into account. This experience has potential positive implications for Russia, whose specifics is multiculturalism and ethnic diversity. Furthermore, the knowledge acquired in the process of this study may be useful not only to ensure security of the Russian citizens but also to adapt migrants while maintaining a balance among national traditions, human rights, and effective extremism prevention. Thus, the article emphasizes the importance of an integrated approach that combines legal, social and cultural aspects to counteract religious extremism in the modern global world.

Keywords: extremism, religious extremism, state and society, security, migration

For citation: Zaitsev A. V. Foreign experience to counteract religious extremism (on the example of individual states). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 37—43, 2025. (In Russ.).

В современных условиях усиления роли России на мировой арене высказывания отдельных политиков о ее изоляции представляются недостоверными. Интеграция стран в различных сферах, включая правоохранительную деятельность, сегодня становится ключевым фактором устойчивого развития всего мирового сообщества. Изучение зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму в США, Германии и Китае обусловлено разнообразием их географического положения, культурными и религиозными особенностями, а также различиями в политическом контексте. Несмотря на территориальную удаленность Москвы от Вашингтона и Пекина, Россия непосредственно граничит с этими странами, в то время как Германия исторически и экономически тесно связана с Россией, включая значительную славянскую диаспору, проживающую в Германии, и немецкую — в России. Изученные зарубежные методы противодействия религиозному экстремизму могут быть эффективно адаптированы для российских реалий в среднесрочной перспективе. Освоение правовых основ и методик позволяет повысить эффективность выявления угроз, способствует согласованности действий правоохранительных органов, улучшает обмен информацией и упрощает исполнение взаимных обязательств в рамках международного сотрудничества. Такой комплексный подход является важным элементом обеспечения национальной безопасности и защиты прав граждан.

Соединенные Штаты Америки (далее — США) разработали многоуровневую систему противодействия религиозному экстремизму, основанную на интеграции законодательных механизмов, профилактических программ и межгосударственного партнерства. Хотя уровень религиозного экстремизма в США значительно ниже, чем в регионах Ближнего Востока и Южной Азии, угроза остается актуальной, проявляясь в виде ультраправого христианского радикализма, изолированных исламистских атак и ограниченного иудейского экстремизма. Исторический плюрализм религиозных конфессий усложняет достижение баланса между укреплением безопасности и сохранением гражданских свобод.

Законодательные механизмы. События 11 сентября 2001 г. послужили катализатором фундаментального реформирования национальной системы безопасности. Ключевыми законодательными инструментами стали Патриотический акт (2001 г.), расширивший полномочия правоохранительных органов по мониторингу подозреваемых в экстре-

мистской и террористической деятельности, коммуникационной разведке и отслеживанию финансовых операций; Закон о противодействии терроризму (2015 г.), который сосредоточился на предотвращении вербовки в экстремистские и террористические организации, особенно среди молодежи; введение санкций относительно иностранных экстремистских и террористических организаций, которые обеспечили замораживание активов и ограничение деятельности радикальных структур.

Профилактические программы. Профилактический компонент стратегии противодействия экстремизму реализуется через инициативу Countering Violent Extremism (CVE), включающую вовлечение религиозных лидеров в конструктивный диалог с уязвимыми группами населения и контрпропаганду. Социальные и образовательные программы обеспечивают интеграцию в общество мигрантов и представителей маргинализированных слоев населения. Гражданская инициатива «If You See Something, Say Something», запущенная Министерством внутренней безопасности в 2010 г., существенно повысила роль граждан в системе безопасности, поскольку с помощью мобильных приложений и цифровых платформ стало возможно мгновенно сообщать о подозрительной деятельности.

Международное сотрудничество осуществляется через обмен разведывательной информацией в рамках альянса «Пяти глаз» (Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания, США) и двусторонних соглашений. Кибермониторинг с использованием искусственного интеллекта обеспечивает выявление экстремистской пропаганды в социальных сетях. Партнерство с IT-компаниями обеспечивает удаление контента, содержащего призывы к насилию. Киберразведка отслеживает активность радикальных групп в зашифрованных сетях (таких как DarkNet), а финансовый мониторинг блокирует каналы поступления денег через международные банковские и платежные системы.

Американская модель противодействия религиозному экстремизму демонстрирует необходимость синтеза законодательных инструментов, мер профилактики, технологического мониторинга и международного взаимодействия. Несмотря на обоснованную критику отдельных аспектов масштабного контроля в цифровой сфере, ключевые элементы этой стратегии адаптируемы к реалиям других государств. Изученный опыт приобретает особую уместность для России в контексте активизации внешнеполитической деятельности

и необходимости укрепления национальной системы безопасности. Органы, располагающие внешнеполитическим инструментарием, включая дипломатические представительства и специализированные подразделения МВД России, должны осуществлять проактивное противодействие угрозам и развивать институциональные механизмы выявления религиозного экстремизма. На уровне внутренней политики целесообразно адаптировать модель гражданского участия, подобную американской программе «If You See Something, Say Something», которая показала высокую эффективность в выявлении потенциальных угроз. Внедрение аналогичных инициатив в российскую практику способно значительно оптимизировать процессы раннего выявления экстремистской активности и укрепить систему коллективной безопасности [1, с. 153]. Такой подход предполагает развитие многоуровневых механизмов сотрудничества между государственными структурами и гражданским обществом, что в условиях полиэтничного и поликонфессионального состава населения России особенно важно для обеспечения общественной стабильности и эффективного противодействия радикализации.

Классификация экстремистских организаций в **Германии** основана на двух ключевых критериях: склонности к применению насилия и характере преследуемых политических целей. Экстремистские группы, систематически использующие насилие как инструмент политического воздействия, квалифицируются в уголовно-правовом смысле как террористические организации. Религиозный экстремизм в Германии преимущественно ассоциируется с радикальными исламистскими структурами, в частности с сообществами, ориентированными на джихадистскую идеологию и панисламистские цели. Наряду с исламистским радикализмом в стране присутствуют радикальные евангелические и ультраконсервативные католические движения, характеризующиеся выраженной антиисламской направленностью, противодействием политике мультикультурализма и отрицанием либеральных реформ в отношении религиозных институтов. Прочие религиозные течения, распространенные на территории Германии, не представляют значительного научного интереса ввиду их организационной аморфности и минимального уровня противоправной деятельности [2, с. 73—78].

Законодательные механизмы. Государственная политика противодействия религиозному экстремизму в Германии соответствует общеевропейским стандартам демократического правления.

Нормативно-правовая база содержит конституционные гарантии человеческого достоинства, принцип равенства перед законом и гарантии свободы совести и вероисповедания, включая право на отсутствие религиозной принадлежности. Конституционный порядок защищает право на свободное исповедание религии, однако запрещает ее инструментализацию для подрыва основ государственного строя. Уголовно-правовые и административные санкции применяются в соответствии со сложившимися в европейском правовом пространстве механизмами противодействия экстремистской деятельности, обеспечивая комплексный подход к нейтрализации угроз национальной безопасности.

Профилактические механизмы противодействия религиозному экстремизму в Германии реализуются через национальную программу Nationales Präventionsprogramm gegen islamistischen Extremismus (NPP), охватывающую работу с молодежной аудиторией, финансовую поддержку общественных организаций и проведение мероприятий по дерадикализации. Ключевым инструментом программы являются консультационные центры — специализированные учреждения, предоставляющие дифференцированные услуги психологической, социальной и правовой поддержки лицам, подверженным риску радикализации, а также членам их семей. Финансирование консультационных центров осуществляется муниципальными администрациями, религиозными организациями и гражданскими ассоциациями, обеспечивая комплексность и локальную адаптивность превентивных мер.

Примечательным примером успешной практики является немецкий центр *Hayat*, специализирующийся на оказании помощи семьям, члены которых подвергаются процессам радикализации. Организация функционирует в Германии с высокой степенью эффективности и демонстрирует масштабируемость своего подхода, осуществляя аналогичную деятельность на территории более сотни стран. Такая географическая экспансия свидетельствует об универсальности немецкой модели дерадикализации и ее потенциальной адаптируемости к условиям других государств, включая Российскую Федерацию. Гибридная система финансирования и организационной независимости консультационных центров позволяет достичь адекватной гибкости в отборе методологических подходов и повысить эффективность профилактического воздействия на группы повышенного риска [3].

Международное сотрудничество и разведывательная деятельность Германии определяются ее геостратегическим положением в центре Европы и активным взаимодействием с соседними государствами и международными структурами, включая Европейский союз, Интерпол, Европол и Организацию Объединенных Наций. Обмен разведывательной информацией и координация антитеррористических операций обусловлены режимом открытых границ и принципами свободного передвижения, действующими в рамках Шенгенского пространства, охватывающего в настоящее время 29 европейских государств. Такая интеграция обеспечивает беспрепятственный трансграничный обмен сведениями оперативного характера и синхронизацию мер противодействия угрозам.

Германский подход к противодействию религиозному экстремизму интегрирует оперативные силовые меры с комплексной профилактикой радикализации. Однако в сравнении с американской моделью, ориентированной на глобальное лидерство и экстерриториальное распространение национальных интересов, немецкая стратегия предпочитает региональный евроцентричный вектор взаимодействия, основанный на принципах субсидиарности и многосторонней координации. Этот подход вполне применим к российским условиям. В настоящее время МВД России осуществляет свои функции через 13 представительств соседних государств, непосредственно граничащих с Россией. Всего подобных представительств у МВД России 32. Соответственно, 19 представительств работают в других, не соседних зарубежных странах. Такое распределение показывает, что лишь часть этих учреждений обеспечивает непосредственный контакт с приграничными государствами и их количество недостаточно для эффективной организации совместной работы по противодействию транснациональным угрозам, включая экстремизм и терроризм. Расширение сети региональных представительств, усиление координационных функций в рамках Евразийского экономического союза и развитие двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности являются необходимыми мерами для повышения эффективности антиэкстремистской деятельности.

Состояние религиозного экстремизма в **Китайской Народной Республике** (далее — КНР) характеризуется экспертным сообществом как находящееся на относительно неопасном уровне. Однако в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) — самой обширной территориально-административной единице КНР, расположенной

на северо-западе страны, — наблюдается существующая и значительная угроза религиозного экстремизма. В 2023 г. руководство КНР указало на необходимость укрепления социальной стабильности в регионе и пресечения незаконной религиозной деятельности, что свидетельствует о приоритетности данной проблемы в государственной повестке.

Противодействие религиозному экстремизму в КНР осуществляется в сложных условиях, что объясняется относительной молодостью конфессиональной политики государства, становлением нормативно-правовой базы, различающей категории «сепаратистов», «террористов» и «религиозных экстремистов». Данное размежевание создает сложность в дифференциации мер противодействия, что в свою очередь способствует применению унифицированного подхода — запрета на любые преступные проявления в данной сфере. Китайский опыт представляет интерес по двум основаниям: во-первых, он демонстрирует процесс становления государственной системы противодействия религиозному экстремизму в современных геополитических условиях, предлагая новую перспективу решения проблемы; во-вторых, исторический опыт китайского государства показывает эффективность централизованного воздействия на конкретные виды преступности при условии высокого уровня общественной восприимчивости к государственным директивам.

Законодательные меры. Наряду с конституционными, уголовно-правовыми и административно-правовыми инструментами китайские власти реализуют политику синизации (китаизации) религии, предусматривающую регистрацию религиозных организаций в качестве субъектов, исповедующих социалистические ценности. Экспертное сообщество характеризует действия китайского государства как долгосрочную, постоянно интенсифицируемую и всеохватывающую стратегию нормативного регулирования.

Законодательные изменения в 2006 г. установили процедурные требования для регистрации религиозных деятелей в КНР. Лица, не соответствующие установленным критериям, были лишены права осуществлять профессиональную деятельность в структурах религиозных организаций.

В 2017 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей был принят нормативный документ, определяющий комплекс мер по противодействию экстремизму в СУАР. Центральным элементом этого пакета стал перечень из пятнадцати проявлений экстремизма, подлежащих за-

прету на территории автономного района. Запреты охватывают широкий спектр действий: ношение религиозных одежд (хиджабов), демонстрацию символов религиозной идентичности, отказ от потребления государственных медиаресурсов, проведение религиозных обрядовых церемоний вместо светских, противодействие государственной демографической политике, препятствование доступу несовершеннолетних к государственному образованию, а также намеренное повреждение документов государственного образца. Полный комплекс антиэкстремистских мер, вступивший в силу 1 апреля 2017 г., включает в себя 50 нормативных положений.

После этого правоохранительные органы СУАР усилили контроль над распространением религиозной литературы, активизировали меры по пресечению проникновения идеологии радикального ислама, блокировали каналы финансирования террористических и экстремистских структур. Комплексная государственная стратегия получила наименование «Борьба против трех зол» (сепаратизм, религиозный экстремизм, терроризм), представляя собой интегрированную программу противодействия угрозам национальной безопасности в целом [4].

В феврале 2021 г. Государственное управление по делам религий КНР издало приказ № 15 «Меры по управлению религиозным персоналом», направленный на укрепление диалогового взаимодействия между государственными структурами и религиозными организациями.

Последующие нормативные инициативы включали в себя принятие в 2022 г. мер по ограничению распространения религиозно-экстремистского контента в цифровом пространстве.

В 2023 г. Государственное управление по делам религий издало приказ № 19 «Административные меры в отношении мест проведения религиозных мероприятий», существенно модернизировавший ранее действовавшую нормативную базу.

Завершающим этапом регуляторного цикла стало принятие в декабре 2023 г. пересмотренного Положения о религиозных делах Синьцзян-Уйгурского автономного района, которое интегрировало накопленный опыт противодействия экстремизму в унифицированную региональную нормативную систему.

Профилактические меры. Китайская государственная стратегия противодействия религиозному экстремизму объединяет внутренний опыт многих государств с учетом технологических и культурных особенностей КНР. Ключевым инструментом де-

радикализации здесь стали центры профессионального обучения и переподготовки, функционирующие в СУАР, через которые прошли тысячи лиц, подвергшихся процессам идеологической корректировки. Масштабное внедрение систем биометрической идентификации на основе искусственного интеллекта позволяет осуществлять мониторинг в условиях высокой плотности населения и обширной цифровой инфраструктуры, обеспечивая выявление и локализацию потенциальных угроз. Привлечение иностранного капитала, в том числе из Казахстана и Узбекистана, встраивает регион в трансграничные хозяйственные системы.

Образовательная политика предусматривает жесткий контроль над конфессиональной составляющей школьных программ с полным исключением религиозного обучения несовершеннолетних. Приоритет отдается светскому патриотическому воспитанию, ориентированному на формирование государственно ориентированной идентичности и усвоение социалистических идеалов. Данный комплексный подход объединяет технологический надзор, экономическое развитие, идеологическое воздействие и образовательный контроль в единую систему государственного управления.

Международное сотрудничество и разведывательная деятельность. Изучение происхождения экстремистской деятельности, независимо от ее идеологического основания, неизбежно приводит исследователей к источникам ее финансирования — инициаторам, заинтересованным в поддержке региональной нестабильности. КНР не является исключением из этой закономерности. Религиозно-мотивированный экстремизм, проявляющийся в северо-западных регионах страны, наряду с деятельностью запрещенного движения «Фалуньгун»¹, финансируется из западных источников, что документально подтверждено². Множество американских и британских неправительственных организаций, включенных в перечень нежелательных в Российской Федерации, поддерживают финансовые каналы, связанные с китайскими экстремистскими сетями. Соответственно,

¹ Включено Минюстом России в перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

² 22 июля 2020 г. семь признанных нежелательными в Российской Федерации зарубежных неправительственных организаций (НПО) включены в соответствующий реестр Минюста. Это шесть американских организаций и одна британская, связанные с «Фалуньгун».

противодействие источникам финансирования, включая блокировку банковских счетов подозреваемых структур и мониторинг международных денежных переводов, составляет существенный компонент государственной стратегии безопасности.

Цифровое пространство в КНР подвергается жесткому государственному контролю посредством замещения глобальных цифровых платформ национальными аналогами: Baidu вместо Google, Weibo вместо Twitter¹, Renren вместо Facebook², WeChat вместо Facebook Messenger³, Youku и Tudou вместо YouTube. Такая архитектура цифровой среды позволяет осуществлять многоуровневый мониторинг и фильтрацию контента, предотвращая трансляцию экстремистской пропаганды.

Таким образом, комплексная государственная стратегия КНР в области противодействия религиозному экстремизму сочетает в себе строгие ограничительные меры с масштабными социально-экономическими инициативами развития проблемных регионов. Китайское руководство оценивает данный подход как эффективный механизм обеспечения национальной безопасности и сохранения территориальной целостности. Интегрированный характер стратегии, охватывающий финансовые, технологические, образовательные и идеологические измерения, представляет собой модель государственного управления в условиях внутренних угроз безопасности.

Проведенный анализ зарубежного опыта противодействия религиозному экстремизму позволяет сформулировать ряд ключевых выводов и рекомендаций.

Трансграничный характер угрозы религиозного экстремизма обусловлен способностью экстремистских и террористических организаций преодолевать государственные, социальные, цифровые и иные барьеры. Данный факт нашел отражение во введении запретов на деятельность подобных организаций на территории многих государств, включая Российскую Федерацию [5, с. 159]. Развитие международного информационного обмена является необходимым инструментом идентификации и ликвидации трансграничной финансовой инфра-

структуры, независимо от совпадения политических интересов государств-партнеров. Процесс разработки и реализации законодательных и организационных механизмов блокировки финансовых каналов экстремизма требует совершенствования. Данный процесс сталкивается с системными проблемами: необходимостью модернизации нормативно-правовой базы, оптимизации межведомственной координации, обеспечения адекватного кадрового и финансового ресурса.

Американский опыт демонстрирует эффективность современных законов, профилактических программ, технологий мониторинга и международного сотрудничества.

Укрепление межгосударственных связей на региональном уровне, как показано на примере Германии, составляет действенную стратегию, имеющую для Российской Федерации экзистенциальное значение. Примеры религиозной радикализации в соседних государствах свидетельствуют об актуальности конфессионального фактора как инструмента политической дестабилизации.

Китайская модель доказывает важность укрепления внутренней государственной системы контроля как исторически апробированного механизма противостояния деструктивным воздействиям.

Соответственно, религиозный экстремизм в России следует рассматривать как компонент глобальной системы угроз, требующий выстраивания противодействия по многоуровневой структуре: континентальный уровень (охватывает масштабные геополитические интересы, объединяющие несколько государств или регионов, что важно для глобальной или макрорегиональной безопасности); региональный уровень (фокусируется на взаимодействии и безопасности внутри определенного региона, включающего несколько соседних стран с общими вызовами и интересами); национальный уровень (сосредоточен на внутренней безопасности и защите интересов конкретного государства, включая внутренние механизмы противодействия угрозам). Хотя Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400⁴) и отражает актуальные угрозы, тем не менее было бы правильно пересмотреть механизмы противодействия, структурировав их с учетом приведенной нами иерархии указанных уровней.

¹ Сеть Twitter заблокирована на территории Российской Федерации.

² Facebook запрещен в Российской Федерации, владелец — компания Meta, признанная экстремистской и запрещенная в России.

³ Facebook Messenger запрещен в Российской Федерации, владелец — компания Meta, признанная экстремистской и запрещенная в России.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.11.2025).

1. Демин Г. И., Жирнов И. А., Синодов И. А. Противодействие экстремизму: теоретические, правовые и организационные основы: монография. Москва: Акад. управления МВД России, 2025. 256 с.

2. Трунк А. «Реализация политики» в Германии и ЕС: пер. с англ. // Вестник Академии правоохранительных органов. 2021. № 2 (20). С. 73—78.

3. Кубякин Е. О. Международный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2018. 118 с.

4. Небрятенко Г. Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 44—54.

5. Поздняков А. Н. О зарубежном опыте борьбы с этнической преступностью и возможности его использования в практической деятельности российских правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 158—164.

Зайцев Андрей Викторович,

адъюнкт 3-го факультета

(подготовки научных

и научно-педагогических кадров)

Академии управления МВД России;

operativchic@mail.ru

1. Demin G. I., Zhirnov I. A., Sinodov I. A. Counteracting extremism: theoretical, legal and organizational foundations. Monograph. Moscow: the Academy of Management of the MIA of Russia; 2025: 256. (In Russ.).

2. Trunk A. "Policy Implementation" in Germany and the EU. Transl. from Eng. Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies, 73—78; 2021. (In Russ.).

3. Kubyakin Ye. O. International experience of legal counteraction to crimes motivated by hatred and extremism. Krasnodar: the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 118. (In Russ.).

4. Nebratenko G. G. The prospect of convergence of the legal systems in Russia and China as a legal dimension of multi-polarity in the XXI century. State and Law, 44—54, 2023. (In Russ.).

5. Pozdnyakov A. N. On foreign experience to combat ethnic crime and the possibility of its use in practical activities of the law enforcement agencies in Russia. Proceedings of the Academy of Management of the MIA of Russia, 158—164, 2021. (In Russ.).

Zaitsev Andrey Victorovich,

a post-graduate student of the 3rd department

of the lecturers' and research-pedagogical

staff training

of the Academy of Management

of the MIA of Russia;

operativchic@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *